

Ни стыда, ни следствия...

Журналист Орхан Джемаль, оператор Кирилл Радченко и режиссер Александр Расторгуев были убиты 30 июля 2018 года в Центральноафриканской республике во время служебной командировки.

Съемочная группа приехала в ЦАР снимать сюжет о наемниках частной военной компании «Вагнер». ЧВК «Вагнер» – подразделение неофициальное, она не значится на балансе российских военных ведомств и в реестре юридических лиц, однако ее бойцы то и дело возникают там, где официально Россия не участвует в военных действиях. Так, по данным журналистских расследований, вагнеровцы принимали участие в наземных операциях в Сирии, в войне на Донбассе – их всюю используют для выполнения деликатных задач в интересах РФ по всему миру. По некоторым данным, финансируют подразделение «высокопоставленные бизнесмены», в том числе петербургский ресторатор Евгений Пригожин.

Убили журналистов при не до конца выясненных обстоятельствах. Их тела были обнаружены сотрудниками миссии ООН в ЦАР в 20 километрах от города Сибю. Машина с журналистами, за рулем которой находился местный житель Бьенвеню Дуокама, была остановлена неизвестными, а сами журналисты расстреляны.

Убийство произошло около 10 часов вечера 30 июля. Водитель группы остался жив. Каким образом опытные журналисты оказались в темное время суток посреди территории, где идет гражданская война, неизвестно.

Ключевую роль в подготовке поездки сыграл «фиксер» с позывным «Мартин», личность которого не установлена до сих пор. Именно он должен был встречать группу в ЦАР, обеспечивать контакты и безопасность. Ничего из этого он не сделал. Предположительно, именно к Мартину журналисты ехали из столицы ЦАР в город, где располагается миссия ООН. Контакт «Мартина» съемочную группу снабдил журналист РИА ФАН, информационного агентства, аффилированного с бизнес-структурами Евгения Пригожина, Кирилл Романовский.

Официальная версия СК – убийство с целью ограбления. Помимо мобильных телефонов убийцы никаких вещей не тронули. Ведет дело следователь по особо важным делам Управления расследования преступлений против личности и общественной безопасности ГСУ СК РФ **Игорь Золотов**. Курирует – его непосредственный начальник **Владимир Шараев**.

Прошел год. Ничего не сделано.

Меня зовут Ирина Гордиенко, я спецкор «Новой газеты», работаю журналистом с 2002 года, в том числе и на Кавказе – регионе сложном и беспокойном, пережившем не одну локальную войну. Я много писала о тюрьмах: Копейск и Челябинск сняты до сих пор. Я видела мертвые тела, видела следы бесчеловечных пыток, которым подвергались герои моих публикаций. Имела дело со всеми подразделениями МВД, СК, прокуратуры. А 31 июля 2018 года как бывшая жена журналиста Орхана Джемалая я была признана Следственным комитетом РФ потерпевшей по делу о его убийстве.

За годы работы в журналистике я очень хорошо узнала, что значит быть потерпевшей, – мы писали и пишем о сотнях уголовных дел, где интересы рядового человека не принимаются во внимание. И только иногда ценой невероятных усилий удается

добиться справедливости по тому или иному делу. Теперь я сама стала потерпевшей, на языке ментов я – терпила.

Словарь дает разные коннотации слову «терпила» – в частности: «слабак, неспособный постоять за себя». Спустя год общения со следствием я именно так себя и чувствую. И мне это очень не нравится.

Оговорюсь сразу. Я давала подписку «О неразглашении данных предварительного следствия». Но единственное, что я видела за год, – несколько экспертиз. Их содержание разглашать я не намерена, мои же разговоры со следователем никаких «предварительных» или иных данных, оговоренных в подписке, не касаются. Потому что «данных» у российского следствия нет, иначе следователь Игорь Евгеньевич Золотов согласился бы показать мне материалы дела. Закон ему это не запрещает. Но он все время отказывает, кидая задумчивый взгляд на большую папку с аршинными буквами ЦАР, которая всякий раз лежит на самом видном месте его стола при моем посещении СК.

За год я была на приеме у четырех следователей, которые сменяли друг друга. Все они были безупречно вежливы и всякий раз бледнели, когда я начинала требовать ответы на самые элементарные вопросы. Они беспомощно разводили руками и жаловались: сделать ничего не можем.

Пять месяцев я не была в СК, надеясь, что за это время дело сдвинется с мертвой точки. Не сдвинулось.

Официальная версия Следственного комитета все та же – убийство с целью ограбления неизвестными арабоязычными бандитами.

Я категорически не согласна с этой версией. Ни одного доказательства ограбления – нет. И иных версий нет, потому что очень удобно расследовать убийство, совершенное в другой стране, – можно ничего не делать, ожидая ответов от не своих следственных органов.

Следственный комитет России ничего и не делает.

10 июля я пришла на прием к следователю Золотову узнать о судьбе ходатайства, которое мои адвокаты подали через приемную СК ровно месяц назад. Мы ходатайствовали о приобщении к делу статьи моего коллеги, журналиста «Новой газеты» Дениса Короткова, «Хроника хорошо подготовленной смерти», которая была написана на основе материалов расследования убийства, проведенного журналистами проекта Михаила Ходорковского «Досье». К ходатайству мы приложили документы: в частности, биллинги телефонных переговоров водителя съемочной группы Бьенвеню Дувокама и местного жандарма Эмануэля Котофио; в этих документах всплывает и название ЧВК «Вагнера», и имя Валерия Захарова – советника президента ЦАР по безопасности, тесно связанного с бизнесом «кремлевского повара» Евгения Пригожина, а также – его подчиненного и сослуживца по ВЧК «Вагнера» Александра Сотова.

Биллинги указывают, что эти люди неоднократно созванивались в те дни: с 28 июля (день прибытия журналистов в ЦАР) по 30 июля – день гибели. Степень причастности каждого к убийству не ясна, это мы и просили установить следствие. А также допросить и Захарова, и Сотова.

Срок официального ответа истек, никакой реакции от СК я так и не получила.

А следователь Золотов очень удивился:

- Первый раз слышу, не видел ходатайства.
- 10 июня в здании СК на личном приеме я вручила его вашему сотруднику Сергееву, – возразила адвокат Марина Андреева.
- У меня много корреспонденции, я мог пропустить. Узнаю и сразу же сообщу.

Узнал Игорь Евгеньевич довольно быстро. После приема позвонил и скороговоркой сообщил, что, мол, не понял, о чем речь, – конечно, это ходатайство рассмотрено и непременно сейчас он мне пришлет ответ. Голос звучал неуверенно, и возникало ощущение, что Игорь Евгеньевич врет.

Ответ на свое ходатайство я получила спустя пять часов. В допросе Захарова и Сотова отказать, писал Игорь Евгеньевич: на его взгляд «нет достаточной информации» о причастности этих лиц к произошедшим событиям.

Впрочем, как мне рассказывали, в частных беседах Игорь Евгеньевич сетовал по поводу допроса Захарова: «Зачем же мы лишний раз будем беспокоить такого большого и занятого человека». И действительно – зачем?

Да – а все остальное, изложенное в ходатайстве, согласно ответу, следствие будет проверять по мере возможности.

Какие же на сегодняшний день есть у российского следствия возможности?

Об отправке группы следователей в ЦАР речи не идет – очевидно, дорого. Предыдущая поездка, в сентябре прошлого года, заняла ровно три дня. Ее результатов нет.

В сентябре 2018 года мой адвокат Марина Андреева ходатайствовала о доставке в Москву одежды погибших. Без этой чертовой одежды невозможно провести полную баллистическую экспертизу. Ходатайствовала она и о доставке в Москву других личных вещей, которые были с ребятами в ЦАР. Также просила истребовать у сотовых компаний африканской республики биллинги мобильных телефонов Орхана, Кирилла и Саши. Изучение этих вещдоков и данных позволило бы восстановить картину убийства и наметить дальнейшие шаги по установлению исполнителей и заказчиков.

Ничего не сделано.

Зато то, что не удалось целому Следственному комитету РФ, «удалось» сделать никому не известному частному детективу Евгению Гвоздеву, нанятому РИА ФАН – информационным агентством, аффилированным с бизнес-структурами Евгения Пригожина. Частное лицо Гвоздев в ЦАР получил все: и доступ к свидетелям, в том числе военным жандармам, что без санкции командования сделать невозможно, и возможность их допросить;

доступ к материалам дела, которые никак не могут переслать в Россию, но, главное, он «смог» раздобыть биллинги.

На мой вопрос следователю Игорю Евгеньевичу, почему РИА ФАН может, а СК Российской Федерации нет, он в очередной раз развел руками: «Мы просим ЦАР оказывать нам помощь, отправляем им поручения – одно за другим. Ничего не помогает, – сокрушался он. – Соглашения о правовом взаимодействии между нашими странами нет, и заставить мы их не можем. Мы просили МИД России оказать содействие, первый заместитель Лаврова Владимир Титов обещал помочь наладить взаимодействие».

Но у Владимира Титова ничего не получилось.

Нужно было Пригожину, чьи компании правят бал в ЦАР, писать, наверное.

Еще следователь Золотов заявил: оказывается, вещи Орхана, Кирилла и Саши – три чемодана – еще с марта этого года хранятся в посольстве РФ в ЦАР. «Однако возможности переправить их в Москву нет». Дипломатической почтой – невозможно: МИД РФ в этом вопросе помогать отказывается, у СК нет средств; даже Минобороны отказалось помочь, ссылаясь, на то, что их самолеты «туда не летают».

После убийства первый секретарь российского посольства в ЦАР Виктор Токмаков в телефонных разговорах обещал мне сделать все возможное, чтобы помочь в расследовании убийства. Однако – только всплывающие в интернете его фотографии вместе с советником Валерием Захаровым и – никакой помощи.

Минобороны тоже врет. Еще в августе 2018 года Россия и ЦАР подписали межправительственное соглашение о военном сотрудничестве, поставках оружия и российских военных инструкторов в ЦАР. А в апреле 2019 года оно было дополнено соглашением об открытии представительства Минобороны РФ в ЦАР. В рамках этого соглашения прописано и «прямое взаимодействие правоохранительных органов, и сотрудничество в уголовных и иных делах». Какими же тогда самолетами в эту африканскую

республику доставляются сотрудники Минобороны и оружие? И где сотрудничество в уголовных делах?

«Я бы, может, и хотел туда съездить и что-нибудь сделать, – с сожалением говорил следователь Игорь Евгеньевич на прощание, – но сам я не могу, а мое начальство меня не отправляет», – и закатил глаза.

Судя по всему, расследование убийства съемочной группы российских журналистов будет длиться бесконечно – при деятельном неучастии всех главных ведомств нашей страны. И это неучастие может свидетельствовать только об одном – убивали не «арабоговорящие бандиты».

Но отвечать российским следственным органам все же придется.

По тексту Ирины Гордиенко